

ТРИ ВОЛШЕБНЫЕ СТРУНЫ

ОНИ СТАНОВЯТСЯ ТАКИМИ, КОГДА
К НИМ ПРИКАСАЮТСЯ РУКИ МАСТЕРА

Война семью порушила. Мать одна его с сестрой поднимала, не сразу и узнала, что в десять лет Юрка пристроился к оркестру народных инструментов в Доме культуры Уралмашзавода.

Окончив школу, поступил в музыкальное училище в класс щипковых инструментов, который вел яростный пропагандист народной музыки, известный на весь Урал Владимир Васильевич Знаменский. Юре со Знаменским было легко. Он требовал игры такой, «чтобы на струне слеза выступала».

Много инструментов перебывало в руках Юрия Клепалова — студента, но той, певучей, звонкой балалайки все не мог найти. И о радости! Свели его с мастером безвестным, который ладил такие балалайки, что звук жил в них и после тихого аккорда, как вздох самой души.

Менялась мода на брюки, галстуки, рубашки, только лаженная из карельской березы балалайка, знакомая до пятнышек, год от года становилась все нужней.

С ней и приехал работать в Тюменское училище искусств после окончания Уральской консерватории. С ней по рассеянности отстал однажды от своего оркестра и пошел не в ту сторону, угловив на какой-то хутор поздно ночью.

Хозяин встретил хмуро и недоверчиво. Небрежно обронил:

— Господи, откуда теперь балалаешник возьмется? У меня вот балалайка — да! Умем! А вот ты, раз хвастаешь, кажи, чё ешь!

Он тогда подумал, что этот хмурый человек не поверит, если он не сыграет, и выиграл еще. Сел да и начал играть. Не веселое, нет, такое, что соответствовало голодному стону желудка и усталости в ногах.

— Э-эх, парень!

Снарядили внуков в соседние дома, и скоро набилась полна изба народу. А Клепалов уж велел тащить стиральную доску, пилу, ложки, ведро. И, как это было раньше в деревнях, самодеятельный звонкоголосый оркестр сотряс забывшие веселье стены бревенчатого пятистенка. Всю ночь ликовала балалайка в сонном царстве таежного хутора. В пояс кланялись балалаечнику старухи, удивленно рассматривали балалайку ребятишки, а он, усталый, счастливый, записывал частушки.

Он играл в Японии и в Болгарии, в Москве и в глухой сибирской деревушке...

Их, вот таких энтузиастов, нашел и объединил в секстет народных инструментов при Тюменском училище искусств Лев Волков. На общественных началах, в свободное от уроков время — все преподаватели этого училища — ездят на Север, на юг области, на БАМ. Всюду, куда позовут, неустанно пропагандируя народную музыку. Секстет — дипломант Всероссийского конкурса и Всесоюзного конкурса-эстафеты, посвященного фестивалю на Кубе, лауреат премии Тюменского комсомола.

Справа, всегда справа крайний — Клепалов с балалайкой, с вечной своей улыбкой.

Добился-таки притока учеников в свой класс балалайки. Теперь аж мода пошла учиться «у Клепалова».

Где он выискивает таких же, как сам он, одержимых учеников? А что, разве прошло время тех странных людей, которые знают, чего хотят, к чему стремятся и в достижении цели ломаются через преграды, отмечая робость, свойственную им, как только дело касается их главной цели?

Его внимательно слушают в деревнях и на северных буровых. Не торопятся уходить после его игры. Разве этого мало? В последние год-два он стал исполнять свои пьесы. С чего началось это сочинительство? Вот был в Болгарии. Все прекрасно, принимали радушно, говорили, что он и его балалайка — душа славян. А он, сидя в отеле, вспоминал деревушку, леса могучие и речушки тихие, где клеветливая, душа рвалась домой, к жене и детям, впереди были дни выступлений и встреч на болгарской земле.

Так родилась пьеса «Размышление». А потом было предложение режиссера Тюменского театра драмы написать музыку к спектаклю «Степан Разин» по Шукшину. Эта сладкая мука длилась дни и ночи, пока не полилась музыка в исполнении секстета под восторженные слезы актеров...

— Свиридов! Георгий Свиридов — вот кто скажет мне, что делать дальше. Мечтаю встретиться с ним, поговорить о еще нераскрытых возможностях балалайки. Сплю и вижу эту встречу.

Любовь ЗАВОРОТЧЕВА,
лауреат премии
Ленинского комсомола.